

ХРОНОПОЛИТИКА: РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ

И.А. Чихарев

В настоящее время происходит оформление хронополитики в качестве самостоятельной области знания. основополагающие публикации и труды в данной сфере появились еще в конце 1980-х — 1990-е годы [Modelski 1987, 1995, 1996; Ильин, Панарин 1994; Ильин 1995 и др.] Хронополитика возникла на фундаменте представлений о политическом изменении и развитии, накопленных общественно-политической мыслью [Ильин 1995, ч.1: 12-72]. Ее статус как особого направления в политологии связан с трансформацией в современном мире, а также с дифференциацией и интеграцией политического знания. В отечественной науке разработка хронополитических концепций вдохновляется как общей проблематикой планетарных перемен, так и особым опытом политического развития России — не только в последние 20 лет, но и в предшествующие эпохи. Это обстоятельство способствует интенсивному формированию в нашей стране сообщества исследователей хронополитики.

Сложились предпосылки институционализации хронополитики как научной и учебной дисциплины. Важнейшую роль в этом процессе играют такие крупнейшие научно-образовательные центры страны, как МГУ им. М.В.Ломоносова и МГИМО(У) МИД РФ. В Московском университете традиция изучения политического пространства и времени была заложена еще в середине 1990-х годов серией публикаций “Теоретическая политология: мир России и Россия в мире” [см., в частности, Ильин, Панарин 1994; Ильин В.В. 1996, 2001]. С 2003 г. на отделении политологии философского факультета МГУ читается курс “Хронополитика”, с 2005 г. — специальный курс “Хронополитика в исследованиях мировой политики”. Начиная с 2004 г. актуальные проблемы хронополитики обсуждаются в рамках проводимых ежегодно “Ломоносовских чтений”. В 2005 г. в ходе “Ломоносовских чтений” дискуссия по теме “Хронополитика и геополитика в современной политической науке” прошла в формате отдельного “круглого стола”, и было принято решение о создании специального научного семинара по данной проблематике. В МГИМО постоянный семинар по компаративному анализу политических изменений действует с конца 1990-х годов, разработан и ряд учебных курсов, связанных с проблематикой современного политического развития [см. Ильин 2004: 129].

Несмотря на формальные признаки становления хронополитики как особой области политологии, в предметно-содержательном плане это направление научных изысканий остается гетерогенным, и в условиях крайней плюралистичности современной политической науки его вряд ли удастся унифицировать. Вместе с тем некоторые общие параметры данной исследовательской программы [Лакатос 1995] уже наметились. Опубликован ряд работ, где рассматриваются методологические основы хронополитических исследований, формирующие своего рода “твердое ядро” хронополитики [Пантин, Лапкин 2002; Чихарев 2003б]. Интенсивное развитие получили хронополитические концепции глобальной политической динамики, появилась серия публикаций, затрагивающих темпоральные аспекты изучения *мировой политики* [Ле-

ЧИХАРЕВ Иван Александрович — кандидат политических наук, ассистент кафедры мировой и российской политики отделения политологии философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

бедева 2003; Ильин 2003, 2004; Чихарев 2003а, 2004, 2005а; Барабанов 2004; Песков 2005]. Кроме того, в последние годы произошла серия политических кризисов и транзитов на мировом уровне (Ирак) и в отдельных государствах (Грузия, Украина, Киргизия), начат ряд существенных реформ международных (ЕС, ООН) и российских социальных и политических институтов. Эти события, находящиеся сегодня в центре внимания политологов, имеют очевидное хронополитическое значение. На этом материале можно продолжить обсуждение параметров рассматриваемой области знания и обозначить некоторые *положительные сдвиги* в современных хронополитических исследованиях.

ХРОНОПОЛИТИКА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА

Для того чтобы определить контуры хронополитики как самостоятельной исследовательской программы, в первую очередь требуется отграничить хронополитические исследования от работ, посвященных проблемам политических трансформаций, но имеющих в основном фактологический характер (без генерализаций) или выполненных в рамках иных исследовательских программ. Далее, целесообразно выделить три “пласта” знания о времени и политике, образовавшихся к настоящему моменту.

Время политики. Наиболее интересующая хронополитику проблемная область, охватывающая собой вопросы, связанные со спецификой политической изменчивости, с внутренней логикой политических трансформаций и построением эволюционной морфологии политики. Особое место на этом уровне занимает политико-философское знание об онтологических свойствах политического времени-пространства и его соотношении с временами-пространствами иных форм движения материи.

22 *Политика времени.* Комплекс вопросов, касающихся управления временем, соотношения социального развития и политических изменений, создания новых институтов, выработки современных курсов и стратегий развития, инновационных и проактивных политтехнологий.

Время в политике. Самый крупный, разнородный и противоречивый “пласт”, объединяющий штудии по проблемам социального, исторического и юридического времени, макросоциальной (в т.ч. глобализационной) динамики, социально-психологического восприятия времени, роли истории и исторического сознания в политике (политические оценки исторических событий) и т.п.

Ключевое значение для развития хронополитического знания имеет разработка теоретико-методологических проблем изучения политической изменчивости. Особенностью нынешнего этапа становления хронополитики является упор на построение теоретических моделей развития политических систем, прежде всего — мировой политики. Вполне закономерно, что они носят высокоабстрактный характер, — философское знание и позитивные элементы в хронополитике пока не разделены. Соответственно, встает задача тестирования этих моделей: приращение хронополитического знания зависит сегодня от вовлечения в данную исследовательскую программу эмпирических исследований, во многом пока существующих вне ее. Развитие второго “пласта” — перспективное направление хронополитических изысканий. Третий, “междисциплинарный”, слой остается важнейшим источником хронополитических идей, хотя он все более отчетливо сепарируется. Примером могут служить исследования глобализационной динамики.

С точки зрения развития и институционализации хронополитики крайне важно определить ее отношение к иным программам исследования политических изменений [Чихарев 2003а: 150; 2004: 58]. Весьма остро стоит, например, вопрос о соотношении хронополитики и *теории модернизации*. По мнению М.В.Ильина, хронополитика должна быть “привита” теории модернизации,

поскольку эти две научные программы тесно связаны между собой [Ильин М.В. 2001]. Исходя из презумпции, что “развитие является сущностью модернизации и тем самым эпохи модерна” [Ильин 2003: 8], Ильин интерпретирует нынешний этап мирового развития как предпосылку планетарного доступа к достижениям модерна. Однако у ряда исследователей адекватность данной интерпретации вызывает сомнения. К их числу относится, в частности, А.С.Панарин, который видит в современных процессах глобализации и демократизации скорее самоисчерпание модерна [Панарин 2000: 165-196]. В пользу такой оценки, на мой взгляд, говорят и события, происходящие в мировой политике в последние годы. Впрочем, формулируя свою концепцию, Ильин ориентируется не на отдельные события, но на новое поколение модернизационных политик как идеальный тип, утверждающийся через актуальные противоречия. Глубинное различие приведенных позиций — в трактовке самого концепта развития. Устойчивое развитие может быть понято и как обеспечение перманентных социальных инноваций, и как сбалансированный, даже сдерживаемый рост — русский язык допускает подобные разночтения. Однако второй смысл, выросший из осмысления политических кризисов второй половины XX в. и осознания пределов роста [Чихарев 2005б], более релевантен современной хронополитике, что позволяет рассматривать основную для нее проблему *сустенации* развития [Ильин М.В. 2001, 2003] как противоположную исследовательской программе модернизации. При этом трудно не согласиться с вероятностью наступления “супермодерна”, т.е. пролонгации неравномерного (а значит — неустойчивого) развития за счет использования информационно-политических технологий контроля. Кроме того, хронополитика представляет собой более широкий научный проект исследования изменчивости, чем теория модернизации. Так, в терминах хронополитики можно определить саму сущность модерна.

Изучение в рамках хронополитики состояния постмодерна отнюдь не означает использования *постмодернистского* подхода к анализу изменений. Постмодернизм в принципе несовместим с понятием исследовательской программы. Тем не менее, “твердое ядро” хронополитики включает в себя ряд неклассических научных постулатов, а интеллектуальная среда постмодернизма, несомненно, служит важным источником развития хронополитических представлений. Достаточно сказать, что термин “хронополитика” был популяризирован постмодернистом П.Вирилио [Вирилио 2002].

К конкурирующим исследовательским программам следует отнести также *миросистемный подход* и косвенно связанные с ним *теории зависимого развития*. В отличие от миросистемных штудий, хронополитика делает упор на политическую, а не экономическую или общесоциальную динамику (что в ряде случаев важно и для демаркации с теорией модернизации) и отрицает конструктивный потенциал радикальных (революционных) изменений. Вместе с тем у обсуждаемых программ есть и точки соприкосновения — например, глубина ретроспекции [Frank, Gills 1996], широта пространственного охвата и анализ мирового контекста развития [Therborn 2000], а также методологическая база [Валлерстайн 2001].

Немалый интерес представляет соотношение хронополитики и *транзитологии*. Отрицая конструктивный потенциал радикальных перемен, хронополитика скептически оценивает “процедурные” факторы транзита. Однако синтез структурного и процедурного подходов снимает эту проблему. С точки зрения модели “воронки причинности” в идеальной ситуации вслед за процедурой транзита начинается постепенное выстраивание политической организации [Мельвиль 2002]. Если рассматривать этот процесс вне формальных рамок “миростроительства”, то он вполне может быть истолкован как долгосрочная

хронополитическая стратегия. Подобный синтетический подход к проблематике транзита и задачам консолидации обогащает хронополитику. В настоящее время транзитология и хронополитика развиваются во взаимодействии. Хронополитике близок транзитологический акцент на внутренних, институциональных факторах политических изменений. Отказ от линейной логики при анализе переходных процессов фактически делает транзитологию частью хронополитической научной программы. В этом смысле теоретическая рефлексия недавнего опыта политических транзитов [см. Капустин 2001; Малинова 2002/2003; Мельвиль 2004а и др.] свидетельствует о *позитивном эмпирическом сдвиге*, т.е. выступает показателем развития хронополитического знания. Противоречивость траекторий реальных транзитов, гибридный характер трансформаций полностью отвечают выводам, полученным в рамках хронополитических исследований.

Аналогичным образом взаимодействует хронополитика с основными *теориями международных отношений*. По мере развития и конвергенции теоретических подходов, в своем “традиционном” виде резко расходившихся с хронополитикой (прежде всего это относится к реализму, неореализму и либерализму [см. Modelski 1996; Ruggie 1998; Чихарев 2004]), намечается их сближение с хронополитической платформой. Родственны хронополитике многие положения конструктивизма [Ruggie 1998].

“Твердое ядро” хронополитики, образуют, на мой взгляд, следующие шесть концептуальных блоков.

1. *Собственная изменчивость политики*, отличная от хода социальных и природных (физических) процессов. Эту основополагающую для хронополитики презумпцию подтверждает и современный опыт развития. Так, при всей очевидности глобализационных сдвигов в экономике и социетальной сфере, глобализация политики протекает весьма противоречиво и в ряде случаев вообще ставится под сомнение. Тем самым, проблематичным становится и углубление позитивных социальных изменений, так как возникающее глобальное социетальное и экономическое пространство остается нерегулируемым. Разумеется, речь не идет об отказе от “коэволюционной” парадигмы исследования политической изменчивости. Но чтобы не раствориться в междисциплинарном синтезе, политическая наука, я полагаю, должна концентрировать внимание на эндогенных факторах политической динамики.

2. *Масштабность* перемен в современном политическом мире и становление *мировой политики*. Масштаб политических изменений — вполне определенное понятие, являющееся ключевым для хронополитики [Бродель 1977; Валлерстайн 2001; Ильин 1993, 1995]. Это не синоним “кардинальной трансформации”, “поворотного момента” и других подобных метафор, к которым так любят прибегать публицисты. Масштабность перемен означает, что сегодня качественные изменения претерпевают формы политической организации, устойчиво существовавшие на протяжении длительного времени. Так, большинство исследователей согласны с тем, что на наших глазах трансформируются нации-государства и межгосударственная система, действовавшая в течение последних нескольких столетий*. Некоторые ученые [см., напр. Вирилио 2002] говорят о ключевой роли мегаполисов в современном политическом процессе, что требует обращения к эпохам раннего модерна, средневековья и даже античности. Активно изучается значение нового империализма в мировой политике [см. Космополис 2003/2004]. Анализируется феномен неотрай-

* Возникновение системы наций-государств обычно датируют 1648 г. Ряд исследователей, правда, полагает, что современные нации возникли на рубеже XVIII-XIX столетий, а Дж.Модельски считает первой нацией-государством Португалию конца XV в. [Modelski 1987].

бализма, знаменующий собой возвращение к архаической эпохе политического развития. Высказывается мнение, что изменения носят еще более глубокий характер. В частности, сетевые концепции политики позволяют вести речь о смене фундаментальных принципов политической организации — переходе от иерархической структуры к самоорганизации и горизонтальным связям [Сморгунов 2001; Сергеев, Сергеев 2003].

Имеет значение и пространственный масштаб перемен. Сегодняшние политические изменения затрагивают все регионы мира. Кроме того, есть основания говорить о сдвигах на всех уровнях мирового политического пространства [Мельвиль 2004б]. Это открывает перед исследователями уникальную возможность наблюдать за общепланетарной политической трансформацией. Использование укрупненных масштабов времени-пространства позволяет различить новое качественное состояние политики — *мировую политику* (политику) [Modelski 1995; Ruggie 1998; Ougaard, Riggot 2002; Ильин 2004; Чихарев 2005а].

Существенные *вызовы* хронополитики обозначились в ходе развернувшейся в последние годы дискуссии о мировой политике. Первая проблема касалась преодоления презентистского видения последней, привнесенного либеральными ее интерпретациями. Определение мировой политики как “характеристики международных отношений на современном этапе их развития” было признано недостаточным и дополнилось указанием на масштаб и многоуровневость происходящей сегодня трансформации. Поднят вопрос о реконструкции общей историко-политической (хронополитической) логики развития [Ильин 2003, 2004; Чихарев 2004, 2005а; Богатуров 2004; Лебедева 2004а, 2004б; Мельвиль 2004б; Барабанов 2004].

Другой вызов был сформулирован группой авторов журнала “Международные процессы”. Поддерживая тезис о необходимости углубленного пространственно-временного изучения мировой политики, А.Д.Богатуров привел ряд контраргументов, касающихся оценки изменений в современном политическом мире. В частности, был поставлен под сомнение ключевой для верификации положения о масштабности перемен факт “размягчения суверенитета”, прежде всего — в отношении США [Богатуров 2004].

Допустимо ли говорить о снижении роли государства на фоне становления “однополярного мира”? С “хронополитической” точки зрения ответ на этот вопрос должен быть утвердительным. Во-первых, у американской гегемонии есть имперская составляющая, а во-вторых, такая гегемония может трактоваться как постгосударственный феномен, выражающий интересы мирового гражданского общества и опирающийся на демократическое “униполе”. Разумеется, ни одна из этих трактовок не вписывается в неореалистскую логику, ибо для нее все входящие в международную систему государства “*unit-like*” (об этом свидетельствуют примеры Китая, Индии, Японии, Франции, России и этносуверенитетов, на которые ссылается Богатуров, говоря о неправомерности тезиса об “отмирании государства”). Для хронополитики названные случаи качественно различны, а потому гегемония США может рассматриваться как попытка применить старые имперские модели для организации мироуправления либо в качестве новейшего постгосударственного кластера стратегий. Оба способа объяснения не только не опровергают, но подтверждают мысль о масштабности изменений в современном мире. При этом они не являются даже взаимоисключающими. Как отмечает Дж.Модельски, “сложная организация живых организмов спонтанно возникает в условиях существования ансамбля, т.е. большого набора подобных систем. Сложность понимается как возможность изменяться, т.е. развиваться. В нашем случае соответствующим ансамблем выступает группа стратегий или политик прошлого, настоящего и будущего. Таким образом, эксперименты с альтернативными стратегиями будут происхо-

доть до тех пор, пока при благоприятном стечении обстоятельств не появится полезная инновация” [Modelski 1995]. Отталкиваясь от этого методологического постулата, ученый высказывает предположение, что “глобальная организация будет сочетать лидерство, осуществляемое мировой державой в традиционной или иной форме, и элементы универсальной организации федералистского характера, менее зрелой, экспериментальной, претерпевающей эволюционные изменения” [Modelski 1995]. Согласно М.В.Ильину, одно из важнейших допущений хронополитики заключается в том, что “ни одна эпоха не отбрасывает предыдущей, но находит способы, чтобы усвоить то, что было создано ранее, и нарастить свои новации” [Ильин М.В. 2001: 8]. К этому стоит добавить идею “взрыва исторического полиморфизма” [Чешков 1999: 53] в условиях политического кризиса, объясняющую примеры России, Индии, Китая и этносуверенитетов. В результате “аномалия” превращается в дополнительный довод в пользу анализируемой исследовательской программы.

3. *Ритмы* изменений. Политическая ритмология, нацеленная на выявление политической логики циклических изменений, — неотъемлемая составляющая современной хронополитики [Волны и циклы 2002]. Ее не следует путать с попытками установить зависимость политических процессов от астрономических явлений (например, от фаз луны или солнечной активности) и научно-образными заявлениями о наличии периодичности или возрастной стадийности в политических процессах без экспликации природы, сущности, причин подобных темпоральных характеристик. Главное отличие хронополитической ритмологии от многочисленных проектов исследования циклов истории — рассмотрение волн политических изменений в рамках существующих форм политической организации [Чихарев 2003б: 58]. Так, можно говорить о коренном различии осцилляций, присущих модернизированным политическим системам, посредством циклов демократических выборов осваивающим различные направления социального развития, и перераспределительных флуктуаций традиционных и переходных политических систем. Определенная ритмика присуща всем формам политической организации. Заслуживает внимания циклическая концепция самого процесса развития исторических форм политической организации, предложенная А.П.Кабаченко [Кабаченко 2001].

В логике модели длинных циклов мировой политики [Modelski 1987, 1995] первые десятилетия XXI в. соответствуют фазе деконцентрации мирового порядка, поддерживаемого мировым лидером (США). Данная фаза предполагает появление “челленджеров” (“противоцентров”) глобального развития. Особенностью современного этапа является, на мой взгляд, существенное смягчение противоречий по сравнению с предшествующими эпохами. Альтернативы мирового развития, несмотря на очевидный конфликтный потенциал, взаимодействуют более конструктивно, четкие границы между фазой делегитимации (“определения повестки дня”) и деконцентрации (“построения коалиций”) стираются. Грядущая фаза глобальной войны тоже, вероятно, будет сглажена и примет вид мирового информационного конфликта.

4. *Темп* политического процесса, *вариабельность* новых форм политической организации. Возникающие сегодня политические системы имеют мало общего с привычными жесткими институциональными формами. По справедливому замечанию Ю.Хабермаса, современная “политика представляет собой диффузную картину — не статический образ многоуровневой политики в рамках какой-то мировой организации, но динамический образ интерференций и взаимодействий между политическими процессами” [Хабермас 2003: 149]. В исследованиях мировой политики утвердилось понятие “международных режимов” как эластичных неоинституциональных организационных форм, или, в терминологии М.В.Ильина, “гибких трансформов” [Ильин 2003: 29].

Подобная эластичность и постоянные мутации во многом объясняются агрессивным воздействием среды на современную политику. В условиях динамичного социального, экономического и технологического развития политические системы должны обладать высокой подвижностью для обеспечения поддержки перманентно возникающим инновационным начинаниям как ключевым факторам глобальной конкурентоспособности. Впрочем, политические системы могут сопротивляться такому воздействию. Именно поэтому к числу первичных презумпций хронополитики были отнесены политико-системные параметры. Приспособление политических систем к современным требованиям — задача управленческая. Динамизм современной политики воплощается как в организационных (транс)формах, так и в новых принципах политического менеджмента, основанного на постоянном мониторинге, *event-анализе* и “конструировании” событий.

5. *Динамизм* средовых изменений. Интенсивно изменяется социоприродная среда политики. Вторая половина XX в. ознаменовалась беспрецедентным возрастанием темпов социальных инноваций, усилением гуманитарной мобильности, появлением “синдрома человеческого развития” [Артамонова, Демчук 2003]. В тот же период была выявлена кризисная экодинамика. Данные факторы оказывают влияние на современную политику и требуют управления развитием [Ильин М.В. 2001, 2003]. Совершенно очевидно, что управление социальным развитием осуществлялось и раньше. Позволю себе предположить, что современное понимание политики развития отличается от прежних *многосторонностью, конкурентностью и непрерывностью*. Политики развития эпохи зрелого модерна, сфокусированные на решении задач индустриального роста, породили целый ряд проблем, сопряженных с пролетаризацией и маргинализацией, и результатом даже наиболее сбалансированных из них были отчуждение, социальный конфликт и экологический кризис. Собственно говоря, этот опыт и позволил сформулировать принципы устойчивого развития.

Многосторонность развития обусловлена участием всех социальных групп в создании общего будущего, что позволяет учитывать и возможные негативные последствия планируемой активности. Среди многосторонних подходов к управлению можно упомянуть стратегическую экологическую оценку (SEA), а также привлечение научного сообщества к разработке политических курсов. Конкурентность связана с глобальной средой современного развития. В условиях складывания единого рынка продвижение инноваций становится важнейшей предпосылкой не только состоятельности экономик и корпораций, но даже личных карьер. Актуальным требованием современной политики оказывается поддержка и наращивание инноваций, а конкурентность стимулирует интенсивное производство таковых [Сергеев 2000]. Наконец, непрерывность предполагает необходимость постоянных конструктивных изменений. Если раньше цели развития были конечными, а схема управления — дискретной (модель фабрики Фуко: “расставлять в пространстве, упорядочивать во времени”), то сейчас развитие стремится к перманентности. Примером может служить переход от системы квалификаций к непрерывному образованию. Организационной формой, воплощающей принципы новой политики развития, является система-трансформер, или децентрализованная (мультиперспективная) политика с функциональными (неполитическими) властями.

6. *Неравномерность* развития. Отмеченные выше особенности современного развития проявляются в реальном политическом процессе отнюдь не однозначно. Как отмечает М.В.Ильин, “конкретные политики и даже целые разновидности политик формируются на основе комбинации основных идеальных типов с добавлением ряда специфических историко-эволюционных или культурно-цивилизационных характеристик” [Ильин 2003: 21]. Отсюда следует, что

в современных процессах глобализации вполне закономерно присутствуют элементы колонизации и вестернизации. В последнее время были усовершенствованы технологии “внешнего управления” политическими транзитами, использующие эффекты социетальной, экономической, информационно-культурной глобализации. Однако действительной модернизации и демократизации транзитных обществ не происходит. Скорее, формируется стратегия “перманентной демократизации”, зачастую противоречащая устойчивому развитию. Это лишь усугубляет неравномерность развития, вызывая к жизни различные формы семейно-кланового, этнического, национального самосознания. В нынешних условиях они также оказываются высокоомобильными и активно “мигрируют”, замедляя темпы политического развития. Противоположный смысл получает влияние средовых изменений на политику. Вместо динамичных децентрализованных политий выстраиваются закрытые системы, озабоченные проблемами национальной безопасности. Это затрудняет современное развитие, хотя и является, по всей видимости, его необходимым условием. В русле сказанного можно интерпретировать и российскую внутривнутриполитическую реформу.

ХРОНОПОЛИТИКА: ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ЭВРИСТИКА

Развертывание обозначенных метатеоретических основ хронополитики позволяет наметить некоторые ориентиры поиска моделей современных изменений.

При рассмотрении перспектив формирования новой мировой политики следует обратить внимание на то, что сегодня для характеристики мировой политики используются термины “*world politics*” и “*world policy*”, которые в русском языке не различаются, но могут быть переведены, соответственно, как “борьба субъектов за власть” и как “общий курс мирового политического развития” [Чихарев 2005a]. При этом если первый смысл развернут в полной мере, то “*world policy*” — очень условное понятие, которым обычно обозначают помощь беднейшим странам, политику “демократизации” или стратегию “устойчивого развития”. Но перечисленные трактовки спорны: борьба развитых стран с бедностью напоминает корпоративные программы “социальной ответственности бизнеса”, т.е. PR-акции, “демократизацию” многие исследователи связывают с интересами США, а устойчивое развитие можно ассоциировать с целями постиндустриальных стран. Таким образом, все это — частные политические курсы, которые не могут претендовать на “статус” мировой внутренней политики [Хабермас 2003: 109]. Эти аспекты мирового политического несложно рассмотреть с помощью концептуального аппарата международных отношений, что и делают многие авторы, адаптировавшие феномен транснациональных акторов к конструкциям теории международных отношений. Замечу, что политика каждого из субъектов международных взаимодействий в отношении внутренних проблем и ситуаций, которую считает главной характеристикой мировой политики А.Д.Богатуров [Богатуров 2004], — не новое явление, а обычная практика международных отношений как Вестфальской, так и предшествовавших эпох. Обретение политикой мирового развития концептуальной и, хотелось бы верить, реальной полноты связано с осмыслением процесса конструирования мировой политики (*world polity*).

Это понятие необходимо отличать от системных концепций международной политики. Ведь политика подразумевает не абстрактный синергетический эффект, но вполне сознательное согласование политики участников мирового общения. Данное понятие уже утвердилось в исследованиях европейской интеграции (Европолития) [см., напр. Шмиттер 2004: 146]. Представляет интерес рассмотрение современной Европы как модели глобальной и региональных политий [Jorgensen, Rosamond 2001]. В свою очередь, под политической системой мира многие понимают структуру силовых отношений, в центре которой

находятся США, считая ее основой современного глобального регулирования. Однако и концепция Европолитии, и модель американского мирового порядка не вполне отвечают смыслу мировой политики. И дело здесь не в том, что европейский политический консорциум — образование регионального уровня. Напротив, Европолития — вполне глобализированный актор, по меньшей мере — метарегиональный. Вместе с тем Европа политически партикулярна и ориентирована не на согласование своего курса в мировом масштабе, но на внутренний, а также (традиционно) трансатлантический консенсус. Политика Европейского Союза по отношению к Ирану, некоторые области взаимодействия с Россией и другими регионами мира обнаруживают существенные признаки становления “мирополитийности” ЕС. Весьма показательна с точки зрения проблем мирового развития метафора “Европы двух (трех) скоростей”.

Что касается американского мирового порядка, то он в еще меньшей степени соответствует понятию мировой политики. Модель глобального лидерства (гегемонии) как форма организации международных отношений не является новацией США. Сходные принципы просматривались в политике Португалии еще в XVI в., а в дальнейшем были развиты Нидерландами, Великобританией и некоторыми другими странами. Большой размах гегемонии США — еще не повод для провозглашения их историко-политической исключительности. С тем же успехом, что и США, могла быть названа “мировой политией” любая из исторических империй, если бы объединила континенты. Поэтому речь должна идти о новом качестве политической организации.

На сегодняшний день сложно говорить о становлении единой глобальной политики. Из современных интеграционных процессов вырисовываются контуры не глобальной, а ряда метарегиональных политических суперсистем. Критическим фактором мирового развития будет успешность интеграции этих политий в измерении Север-Юг. В принципе такое понимание близко цивилизационному подходу, который также предполагает складывание региональных систем вопреки единой логике глобализации. Однако в данной логике “цивилизационность” не является системообразующей характеристикой: на первый план выходят прагматические, функциональные соображения, связанные с необходимостью более эффективного управления глобальными процессами. Судя по всему, в ближайшей перспективе формирование суперсистем пойдет по линии установления информационного контроля, с помощью которого будет смягчаться неизбежная экономическая диспропорция сегментов. Цивилизационность, культурно-историческая общность окажутся, таким образом, важными условиями создания информационного пространства метарегиональных консоциаций. Новейшие экономические технологии будут использовать организационный потенциал традиционных форм социальной организации, а социокультурная интеграция начнет происходить по линии взаимодействия “постматериальных” ассоциативных групп (NGOs) и групп, сформированных обычаями. Тем самым организационное закрепление может получить политика устойчивого развития как компромисс между экономическим ростом и сохранением природной, социальной и культурной среды. Можно согласиться с исследователями, считающими важной составляющей строительства интегрированных политий деятельность научного сообщества. В течение длительного времени сохранят значимость постгосударственные институты, которые станут основой новых образований. Вполне вероятно, что метарегиональные политии будут существенно различаться в плане соотношения “государство — гражданское общество” (полития — региональное сообщество) и предлагать конкурирующие модели управления глобальными процессами, что приведет к появлению новых конфликтных областей.

Здесь обрисована лишь потенциальная и довольно отдаленная перспектива мировой политики. В любом случае правомерно характеризовать современный этап мирового развития как трансформационный, связанный с поиском оптимальной формы организации усложнившегося глобального взаимодействия. С этих позиций можно рассмотреть некоторые предлагаемые подходы к мировой политике. Например, суть противоречия между позициями М.М.Лебедевой и А.Д.Богатурова [Богатуров 2004; Лебедева 2004а, 2004б] в том, что последний трактует ключевые параметры мировой политики, которые Лебедева считает структурообразующими, как средовые. По мнению Богатурова, систему мировой политики образует межгосударственное взаимодействие, которое, в силу специфики среды, становится более взаимопроникающим. Это способствует широкому вмешательству США во внутренние дела государств и образованию сферы мировой политики. Вместе с тем Богатуров отмечает контртенденцию к восстановлению суверенитета, которая как бы отрицает формирование мировой политики. Я согласен с Богатуровым, что многие параметры мировой политики, выделяемые сегодня, относятся к среде политики и для качественного определения мировой политики необходимо проследить системно-политические эффекты. Однако не вполне правомерно принимать за мировую политическую систему американский мировой порядок. Это приводит к иной крайности — игнорированию мирового гражданского общества, не говоря уже о тех субъектах, которые в новом мировом порядке гражданских прав лишены. Последнее, конечно, находит отражение не только в теории, но и на практике. Именно в этом истоки упомянутой контртенденции к восстановлению суверенитета, а затем — и к установлению жесткого порядка. Подобные колебательные движения мировой политики не будут способствовать устойчивому развитию: рано или поздно природная и социальная среда потребует более конструктивных форм регулирования. В свою очередь, М.М.Лебедева, интерпретируя появление новых акторов и усиление взаимозависимости как системообразующие факторы, пытается описать создаваемую ими структуру мировой политики с помощью либеральной микроэкономической логики так наз. “двухуровневых игр”, направленных на извлечение выгод от взаимодействия государств и негосударственных субъектов. Но такие игры, на мой взгляд, создают “положительную сумму” только в том случае, если ведутся в правовом пространстве. Между тем современная мировая политическая среда с трудом поддается правовому регулированию, и повсеместно наблюдается “недобросовестная конкуренция”.

Об обретении мировой политической средой системных качеств вполне определенно говорит и М.В.Ильин. Выделяя отличительные черты новой системы, он отмечает, что “типичные для архаичной и традиционной политики (отчасти и для политики не вполне зрелого модерна) ‘вечные’ институты и процессы, предзаданные алгоритмы поведения и процедуры по мере формирования мировой политики начинают превращаться в институты-проекты и в процессы-эксперименты, в альтернативные и комбинируемые политические курсы (политики, policies)”. Актуальной, по его заключению, “стала проблема ‘синхронизации’, т.е. по крайней мере сочленения, а то и согласования политических практик и институтов различных цивилизационных и геополитических образований. Неизбежным стало изменение самой природы политического всех вовлеченных во всемирное взаимодействие политий и политических образований вплоть до племен и прочих малых сообществ. В этих условиях внешняя среда чужаков или варваров начинает превращаться в среду и систему партнерства и соревнования, которая по определению изменчива”*. Здесь мы снова видим, по сути, сугубо

* Цитируется неопубликованный текст выступления М.В.Ильина на методическом семинаре по проблемам мировой политики, проходившем в конце 2004 г. в МГИМО(У).

либеральную трактовку. Сложно предположить, каким образом в отсутствие институциональных и процедурных рамок может строиться конкуренция и партнерство, скажем, племен и ТНК (хотя, по всей видимости, племена будут в постоянном проигрыше). В данном случае, очевидно, абсолютизируется динамический аспект развития. До логического завершения эту мысль доводит Д.Н.Песков, выдвигающий проект мировой политики как современного знания о сверхдинамичном информационном пространстве [Песков 2005]. Но “процессы-эксперименты” и “институты-проекты” способны свободно реализовываться лишь в пределах информационно-политического пространства западных обществ. Вне этой сферы они будут отзываться кризисами и жестокими конфликтами. Отсюда — необходимость создания мировых политий, в рамках которых подобные противоречия смогут найти разрешение.

Такое понимание мировой политики позволяет предложить некоторые подходы к разрешению актуальных проблем новой дисциплины, суммированных, в частности, в статье М.М.Лебедевой [Лебедева 2004б: 110-112]. Возникновение новых субъектов не означает появления мировой политики, но лишь требует ее конституирования, выработки рамок взаимодействия. В этом же ключе надо понимать и проблематику, связанную с оппозицией “Север-Юг”: это измерение мирового социально-экономического конфликта также требует новых форм регулирования. В том, что знание о мировой политике сегодня описывает не столько политику, сколько мировую социально-экономическую среду, видится объективная причина его междисциплинарности. Противоречивые тенденции мирового развития можно рассматривать как встречные стратегии, в которых проявляется основополагающее для стадии становления политических систем противоречие между “порядком” и “свободой”. Американский миропорядок правомерно трактовать как вариант абсолютизации полицейского начала в мировой политике, доминирования ее регулятивной составляющей. В ближайшее время следует ожидать ослабления американской гегемонии с параллельным усилением активности ЕС, мирового гражданского общества, а также, возможно, государств-изгоев. За этим, вероятно, вновь последует полицейская фаза. Наряду с колебаниями противоречивых тенденций будут упрочиваться конструктивные модели мировой политики, авторитет которых станет возрастать с каждым новым циклом.

Еще раз подчеркну, что научный анализ единой мировой политики на сегодняшний день весьма затруднителен. Все проекты как мирового государства, так и глобального “управления без правительства” выглядят довольно утопичными. Более реальным представляется образование метарегиональных управляемых сообществ — управляемостей (governances). Начало данного процесса уже поддается наблюдению. Введенный А.И.Неклесой концепт “метарегион” позволяет достаточно точно отразить подвижные формы, контуры которых прослеживаются в современном трансформационном процессе. Этот концепт фиксирует транстерриториальность, отсутствие непосредственной привязки к географическому району, подчеркивает значимость информационного пространства для идентификации новых форм политики и одновременно указывает на незавершенность появляющихся политий. По той же причине используется понятие “governance”, подразумевающее широкую лояльность отдельных участников метарегионального консорциума по отношению к целому, их готовность поддерживать взаимодействие на взаимовыгодной основе.

* * *

Таким образом, можно говорить о положительных сдвигах в исследовании трансформаций, происходящих сегодня на различных уровнях мировой политики, в рамках хронополитической программы. Научная значимость и акту-

альность хронополитики обусловлены сущностным динамизмом современного политического процесса, масштабностью социальных и средовых изменений, требующих новых комплексных исследовательских программ и системных политико-управленческих подходов. Хронополитика отражает процесс развития политической науки, протекающий в виде взаимосвязанных процессов дифференциации и интеграции. С одной стороны, появление самостоятельной дисциплинарной области, изучающей политическую темпоральность, можно рассматривать в качестве вполне оправданной в условиях увеличения масштаба и динамизма политических перемен специализации знания. С другой — хронополитика играет интегрирующую роль, так как интересующее данную дисциплину временное измерение политики охватывает все регионы мира политического. И речь здесь идет уже не об абстрактном обобщении политического знания, но о вполне осязаемом объекте — мировой политике и ее темпоральных параметрах. В этом отношении хронополитика имеет важное значение для развития политической науки в целом.

Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л. 2003. Постмодерн или постмодернизация? Опыты концептуализации ценностных изменений. — *Вестник ВГУ: Гуманитарные науки*, № 2.

Барабанов О.Н. 2004. Между Клинтоном и Бушем, или Как преподавать мировую политику? — *Полис*, № 6.

Богатуров А.Д. 2004. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе. — *Международные процессы*, т. 2, № 1.

Бродель Ф. 1977. История и общественные науки. Историческая длительность. — *Философия и методология истории*. М.

Валлерстайн И. 2001. Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем — *Время мира: Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций*. Вып. 2: *Структуры истории*. Новосибирск.

Вирилио П. 2002. *Информационная бомба. Стратегия обмана*. М.

Волны и циклы политического развития (Заочный круглый стол). 2002. — *Полис*, № 4.

Ильин В.В., Панарин А.С. 1994. *Философия политики*. М.

Ильин В.В. (ред.) 1996. *Реформы и контрреформы в России*. М.

Ильин В.В. 2001. *Новый миллениум для России: путь в будущее*. М.

Ильин М.В. 1993. Ритмы и масштабы перемен. О понятиях “процесс”, “изменение”, “развитие” в политологии. — *Полис*, № 2.

Ильин М.В. 1995. *Очерки хронополитической типологии: проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем*. М.

Ильин М.В. 2001. *Идеальная модель модернизации и пределы ее применимости*. М.

Ильин М.В. 2003. Типы и разновидности политик мирового развития. — Лобза Е., Костюк К. (ред.) *Состязание старых и новых политик мирового развития*. М.

Ильин М.В. 2004. Слуга двух господ. О пересечении компетенций политической науки и международных исследований. — *Полис*, № 5.

Кабаченко А.П. 2001. Политический процесс и политическая система: источники саморазвития. — *Вестник МГУ. Сер. 12: Политические науки*, № 3.

Капустин Б.Г. 2001. Конец “транзитологии”? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия). — *Полис*, № 4.

Космополис. 2003/2004. № 4 (6).

Лакатос И. 1995. *Фальсификация и методология научно-исследовательских программ*. М.

Лебедева М.М. 2003. Новые транснациональные акторы и изменение политической системы мира. — *Космополис*, № 1 (3).

Лебедева М.М. 2004а. Предметное поле и предметные поля мировой политики. — *Международные процессы*, т. 2, № 2 (5).

- Лебедева М.М. 2004б. Проблемы развития мировой политики. — *Полис*, № 5.
- Малинова О.Ю. 2002/2003. Другой взгляд на “транзит”, или о пользе и вреде повествовательных схем. — *Космополис*, № 2.
- Мельвиль А.Ю. 2002. Методология “воронки причинности” как промежуточный синтез “структуры и агента” в анализе демократических транзитов. — *Полис*, № 5.
- Мельвиль А.Ю. 2004а. О траекториях посткоммунистических трансформаций. — *Полис*, № 2.
- Мельвиль А.Ю. 2004б. Еще раз о сравнительной политологии и мировой политике. — *Полис*, № 5.
- Панарин А.С. 2000. *Глобальное политическое прогнозирование*. М.
- Пантин В.И., Лапкин В.В. 2002. *Эволюционное усложнение политических систем: проблемы методологии и исследования*. — *Полис*, № 2.
- Песков Д.Н. 2005. Мировая политика, или Бег на месте. — *Полис*, № 1.
- Сергеев В.М. 2000. Инновации, демократия и логика конкуренции. — *Полис*, № 1.
- Сергеев В.М., Сергеев К.В. 2003. Механизмы эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети. — *Полис*, № 3.
- Сморгунов Л.В. 2001. Сетевой подход к политике и управлению. — *Полис*, № 3.
- Хабермас Ю. 2003. Постнациональная констелляция и будущее демократии. — *Логос*, № 4-5.
- Чешков М.А. 1999. О видении глобализирующегося мира. — *МЭиМО*, № 4.
- Чихарев И.А. 2003а. Хронополитика: к мировоззренческим основаниям политики мирового развития. — Лобза Е., Костюк К. (ред.) *Состязание старых и новых политик мирового развития*. М.
- Чихарев И.А. 2003б. Хронополитические исследования: опыт синтеза. — *Полис*, № 6.
- Чихарев И.А. 2004. Хронополитика: к пониманию трансформации в мировой политике. — *Вестник МГУ. Сер. 12: Политические науки*, № 3.
- Чихарев И.А. 2005а. Многомерность мировой политики (К современным дискуссиям). — *Полис*, № 1.
- Чихарев И.А. 2005б. Хронополитика в политической науке XX — начала XXI в. — *Вестник МГУ. Сер. 12: Политические науки*, № 4.
- Шмиттер Ф. 2004. Будущее демократии: можно ли рассматривать его через призму масштаба? — *Логос*, № 2.
- Frank A.G., Gills B.K. 1996. *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* L., N.Y.
- Jorgensen K.E., Rosamond B. 2001. Europe: Regional Laboratory for a Global Polity. — *GSGR Working Paper*, № 71. Warwick.
- Modelski G. 1987. *Long Cycles in World Politics*. Seattle, L.
- Modelski G. 1995. From Leadership to Organization: The Evolution of Global Politics. — *Journal of World Systems Research*, vol.1, № 7.
- Modelski G. 1996. *Time, Calendars and International Relations: Evolution of Global Politics in the 21st Century*. Paper presented at the 37th annual convention of the International Studies Association in San Diego, April 16-20.
- Ougaard V., Riggot H. (eds.) 2002. *Towards a Global Polity*. Routledge.
- Ruggie J.G. 1998. *Constructing the World Polity*. L., N.Y.
- Therborn G. 2000. Time, Space and Their Knowledge: The Times and Place of the World and Other Systems. — *Journal of World Systems Research*, vol. 6, № 2.